

СТИВЕН
КИНГ

МЕШОК С КОСТЯМИ

Издательство АСТ
Москва

*Посвящается Наоми.
По-прежнему*

От автора

В определенной степени в романе затронуты юридические аспекты законодательства штата Мэн, касающиеся детской опеки. В этих вопросах я обращался за помощью к моему другу Уоррену Салверу, превосходному адвокату. Уоррен терпеливо разъяснял мне все юридические тонкости, а по ходу дела рассказал о старинном устройстве, называемом стеномаской, которое я незамедлительно использовал уже для своих целей. Если в тексте романа внимательный читатель найдет какие-то ошибки по юридической процедуре, вините меня, а не моего советника. Уоррен также просил меня, правда, не слишком настойчиво, ввести в состав персонажей «хорошего» адвоката. Отмечу, я сделал все, что мог.

Благодарю также моего сына Оуэна, который оказал мне неоценимую помощь в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и моего друга Ридли Пирсона, который помогал мне в Кетчуме, штат Айдахо. Выражаю благодарность Пэм Дорман за добрые слова, высказанные после прочтения первого варианта романа. Спасибо Чаку Верриллу за великолепную редактуру. Тебе я особо признателен, Чак. Благодарю Сюзан Молдоу, Нэта Грехэма, Джека Романоса и Кэролайн Райди из издательства «Скрибнер» за заботу и поддержку. И разумеется, огромное спасибо Тэбби, которая находилась рядом со мной, как бы ни было трудно. Я люблю тебя, цыпленок.

Стивен Кинг

Да, Бартлби, оставайся за своей ширмой, думал я, более я не буду наказывать тебя; ты безвреден и бесшумен, как и любой из этих старых стульев; короче, своим присутствием ты не нарушаешь моего уединения.

Герман Мелвилл. Бартлби

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли... А стоя там, притихшая, испуганная, могла поклясться, что дом этот — не пустая оболочка, что он живет и дышит, как встарь.

Дафна Дюморье. Ребекка

Марс — это рай.

Рэй Брэдбери

Глава 1

Одним очень жарким августовским днем 1994 года моя жена сказала, что ей надо съездить в Дерри: врач выписал ей рецепт, по которому она могла купить в «Райт эйд»* ингалятор, а то совсем насморк замучил. Насколько я понимаю, теперь эти баллончики продаются совершенно свободно. Я уже выполнил дневную норму, отбарабанил положенное количество страниц, а потому предложил съездить за ним. Она с благодарностью отказалась, мотивировав свое решение тем, что потом хотела заскочить за рыбным филе в супермаркет. Одним выстрелом убить двух зайцев, и все такое. Она послала мне воздушный поцелуй и отбыла. В следующий раз я увидел ее на экране монитора. Так нынче в Дерри опознают мертвых. Не ведут тебя подземным, выложенным зеленой плиткой коридором, под потолком которого горят флуоресцентные лампы-трубки, не выкатывают обнаженное тело. Ты просто заходишь в комнатку с табличкой ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН, смотришь на экран монитора и говоришь, да или нет.

«Райт эйд» и «Шопуэлл» отделяет от нашего дома чуть меньше мили. Там расположен торговый центр местного значения, где еще есть видеосалон, букинистический магазин НЕСИ СЛОВО БЛИЖНЕМУ (у них, кстати, не-

* Сеть недорогих аптечных магазинов, принадлежащих одноименной корпорации. — *Здесь и далее примеч. пер.*

плохо распродаются мои старые книги, выпущенные в карманном формате), «Рэдио-шэк»* и фотомастерская. Находится торговый центр на Ап-Майл-Хилл, на пересечении Уичхэм- и Джексон-стрит.

Она припарковала автомобиль перед «Блокбастер видео»**, прошла в аптечный магазин, у аптекаря***, мистера Джоя Уайзера (тогда он работал в Дерри, а теперь перебрался в «Райт эйд» в Бангоре), получила по рецепту ингалятор. Уже на кассе прикупила маленького шоколадного мышонка с начинкой из маршмэллоу. Я нашел мышонка позже, в ее сумочке. Развернул и съел, сидя у кухонного стола, куда вывалил содержимое ее красной сумки, которую она обычно носила на плече. Все равно что принял причастие. А когда во рту и горле остался только привкус шоколада, у меня из глаз хлынули слезы. Я сидел, склонившись над ее салфетками, косметикой, ключами, и плакал, закрыв лицо руками. Как ребенок.

Ингалятор лежал в белом фирменном пакете «Райт эйд». Он стоил двенадцать долларов восемнадцать центов. В пакете лежала еще одна покупка, стоимостью двадцать два доллара пятьдесят центов. Я долго смотрел на эту покупку, видел ее, но не понимал, каким образом она могла попасть в пакет «Райт эйд». Меня удивила эта покупка, более того, потрясла, но мысль о том, что Джоанна Арлен Нунэн могла вести другую жизнь, о которой я ничего не знал, не пришла мне в голову. Во всяком случае, в тот момент.

Расплатившись, Джо направилась к двери, вышла в яркий солнечный день, сменила обычные очки на солн-

* Сеть магазинов, специализирующихся на продаже бытовой электроники и товаров для радиолюбителей.

** Крупнейшая в стране сеть видеосалонов, принадлежащая компании «Блокбастер энтертеймент».

*** В аптечном магазине непосредственно аптека занимает один-два прилавка.

цезащитные, как рекомендовал ей врач, и едва выступила из-под навеса (здесь я, возможно, что-то и выдумываю, это профессиональное, знаете ли, но совсем чуть-чуть, невелика разница, сколько шагов отделяло ее от аптеки — два, три или четыре), как раздался препротивнейший скрип намертво схваченных тормозами колес по асфальту. Звук этот означал, что столкновение или уже произошло, или до контакта металл — металл оставались доли секунды.

На этот раз столкновение таки произошло, авария типичная для этого Х-образного перекрестка. Не произошло и недели, чтобы на нем не «поцеловались» машины. «Тойота» модели 1989 года выезжала со стоянки торгового центра, поворачивая налево, на Джексон-стрит. За рулем сидела миссис Эстер Эстерлинг, проживающая в Барреттс-Орчардсе. Ехала она с подругой, миссис Ирен Дорси, также из Барреттс-Орчардса. Последняя заглядывала в видеосалон, но не смогла подобрать ничего интересного. Сплошное насилие, пожаловалась она Эстер. Обе женщины давно уже овдовели.

Эстер не могла не заметить оранжевый грузовичок департамента общественных работ, хотя заявила, что в глаза его не видела, и полиции, и репортерам, и мне, когда я беседовал с ней два месяца спустя. Я более чем уверен, что она просто не посмотрела по сторонам, выезжая со стоянки. Как, бывало, говаривала моя мать, тоже вдова: «У стариков две наиболее распространенные болезни: артрит и забывчивость. Их вины в этом нет никакой».

За рулем грузовичка, принадлежащего департаменту общественных работ, сидел Уильям Фрейкер из Олд-Кейпа. Незадолго до дня смерти моей жены ему исполнилось тридцать восемь лет, ехал он без рубашки, мечтая о холодном душе и холодном пиве. А может, наоборот, о холодном пиве и холодном душе. Он и еще трое мужчин восемь часов лопатили асфальт на Харрис-авеню, непо-

далеку от аэропорта. Жаркая работа в жаркий день, и Билл Фрейкер признал, что ехал он чуть быстрее положенного, может, со скоростью сорок миль в час, хотя на знаке ограничения скорости стояла цифра тридцать. Ему не терпелось добраться до гаража, сдать грузовичок и сесть за руль собственного «F-150», оборудованного кондиционером. Опять же тормозная система грузовичка, пусть прошедшего техосмотр, оставляла желать лучшего. Фрейкер ударил по тормозам, как только увидел «тойоту», вырливающую прямо перед ним на основную дорогу (ударил и по клаксону), но быстрота его реакции уже ничего не могла изменить. Он услышал скрип шин грузовичка и «тойоты»: Эстер наконец-то заметила нависшую над ней опасность, и в самое последнее мгновение Фрейкер увидел ее лицо.

— Пожалуй, для меня это самое ужасное воспоминание, — признался он мне, когда мы сидели на его крыльце и пили пиво. Уже в октябре, солнце еще согревало лица, но мы оба надели свитера. — Вы же знаете, как высоко расположено сиденье на этой модели грузовиков? — Я кивнул. — Так вот, она подняла голову, вытаращившись на меня, и солнце било ей прямо в лицо. Я еще отметил, какая же она старая. Помнится, подумал: «Господи, если я не смогу остановиться, она сейчас разобьется, как фарфоровая статуэтка». Но на самом деле старики куда крепче молодых. Тут они многим могут дать фору. Посмотрите, как все обернулось. Обе старушки до сих пор живы, а ваша жена...

Тут он замолчал, густо покраснев, словно мальчуган на школьном дворе, которого осмелили девчонки, увидев, что у него не застегнута ширинка. Комичное, конечно, зрелище, но я не позволил себе даже улыбнуться, чтобы окончательно не смущать его.

— Мистер Нунэн, извините, пожалуйста. Язык у меня ну просто без костей.

— Все нормально, — заверил я его. — Во всяком случае, худшее я уже пережил. — В этом я, конечно, солгал, но зато мы вернулись к интересующей меня теме.

— Короче, мы столкнулись. Заскрежетало железо — прогнулась дверца со стороны водителя «тойоты», зазвенело разбитое стекло. Меня швырнуло на рулевое колесо с такой силой, что я потом с неделю не мог глубоко вдохнуть. И здесь образовался здоровенный синяк. — Он указал на грудь пониже ключицы. — Крепко приложился головой к ветровому стеклу, но оно не разбилось, а я отделался лишь шишкой. Кровь не потекла, даже голова не болела. Моя жена говорит, все потому, что у меня очень крепкий череп. Я увидел, что женщину, сидевшую за рулем «тойоты», бросило в зазор между передними сиденьями. Когда наши автомобили наконец остановились, сцепившись посреди мостовой, я вылез из кабины посмотреть, сильно ли досталось старушкам. Честно говоря, я думал, что они обе уже мертвы. Но они не только не умерли, но даже не потеряли сознание, хотя миссис Эстерлинг сломала три ребра и вывихнула бедро. Миссис Дорси — она сидела на пассажирском сиденье, а удар пришелся на водительскую половину — отделалась легким сотрясением мозга: ее ударило головой о боковое стекло.

Моя жена, Джоанна Арлен, родом из города Морлена, штат Массачусетс, лицезрела все это, стоя у аптеки. Сумка висела у нее на плече, пакет с покупками она держала в руке. Как и Билл Фрейкер, она, должно быть, подумала, что сидящие в «тойоте» погибли или получили серьезные увечья. В застывшем жарком воздухе скрежет столкновения прогремел, как выстрел из гаубицы. Да еще зазвенело бьющееся стекло. Автомобили застыли посреди Джексон-стрит. Грязный оранжевый грузовичок навис над светло-синей «тойотой», как воинственный родитель над проштрафившимся ребенком.

Джоанна побежала через автостоянку к шоссе. Как и многие другие. Одна из них, мисс Джилл Данбэрри,

в момент столкновения разглядывала витрины «Рэдио-шэка». Вроде бы она помнила, как пробегала мимо Джоанны. Во всяком случае, в голове у нее отложилось, что она пробегала мимо женщины в желтых слаксах. К тому времени миссис Эстерлинг уже кричала, что ей очень больно, им обоим очень больно, и когда же наконец помогут ей и ее подруге Ирен.

Пробежав полстоянки, моя жена упала неподалеку от газетных автоматов. Сумка осталась у нее на плече, а пакет выскользнул из руки и из него наполовину вывалился ингалятор. Вторая покупка так и осталась в пакете.

Никто не заметил женщину, лежащую на асфальте рядом с газетными автоматами. В центре внимания, естественно, оказались столкнувшиеся автомобили, кричащие женщины, лужа вытекшей из радиатора грузовичка смеси воды и антифриза («Это бензин! — крикнул приемщик фотолаборатории всем, кто хотел его слушать. — Это бензин! Будьте осторожны, друзья, как бы он не взорвался!»). Я полагаю, один или двое спешащих на помощь старушкам даже перепрыгнули через мою жену, полагая, что та просто лишилась чувств. Учитывая, что в тот день температура на солнцепеке зашкалила за сорок, нельзя счесть подобное предположение алогичным.

Десятка два прохожих уже столпились на месте аварии, еще с десятков спешили от Стофорд-Парк, где проходил бейсбольный матч. Как я представляю себе, в эти минуты говорились все те слова, которые обычно произносятся в подобных ситуациях. Все суетились. Кто-то просунул руку сквозь разбитое стекло водительской дверцы, чтобы ободряюще пожать дрожащую старческую руку Эстер. Люди тут же расступились перед Джоем Уайзером: белый халат стал для него волшебным пропуском. Издалека донесся, нарастая с каждой секундой, вой сирены «скорой помощи».

Все это время моя жена лежала незамеченной на автостоянке, с сумкой через плечо (в которой так и остал-

ся нераспечатанным шоколадный мышонок с начинкой из маршмэллоу) и белым пакетом, отлетевшим на несколько дюймов от ее вытянутой руки. Обратил на нее внимание Джой Уайзер, спешивший в аптечный магазин, чтобы сделать компресс на голову Ирен Дорси. Он узнал мою жену, хотя та и лежала лицом вниз. Узнал по рыжеватым волосам, белой блузе и желтым слаксам. Узнал, потому что не прошло и четверти часа, как он обслужил ее.

— Миссис Нунэн? — позвал он, напрочь забыв о компрессе для пребывавшей в шоке, но явно избежавшей серьезной травмы Ирен Дорси. — Миссис Нунэн, с вами все в порядке? — Он уже знал (я более чем уверен, что знал, но, возможно, я и ошибаюсь), что положительного ответа ему не услышать.

Он перевернул ее на спину. Двумя руками, и то ему пришлось присесть и поднапрячься. Сверху яростно светило солнце. Снизу жарил асфальт. После смерти человек, как известно, становится тяжелее.

На ее лице краснели пятна. На опознании я ясно видел их на экране монитора. Уже хотел спросить у судебного медика, что это за пятна, но внезапно понял, что и так все знаю. Август, раскаленный асфальт — элементарно, Ватсон. Моя жена, упав, получила ожог.

Уайзер поднялся, увидел подъехавшую машину «скорой помощи» и побежал к ней. Протолкался сквозь толпу и схватил одного из санитаров, вылезших из кабины.

— Там женщина! — Уайзер указал на автостоянку.

— Парень, тут у нас две женщины, да еще и мужчины. — Санитар попытался вырваться, но Уайзер держал его крепко.

— О них пока можно забыть. В общем, они легко отделались. А вот женщине совсем плохо.

Женщина умерла, и я готов спорить, что у Уайзера не оставалось в этом ни малейших сомнений... но он умел отличить главное от второстепенного. Отдадим ему долж-